

УДК 94:929.65

**ПОДКОВА – ПРООБРАЗ
КНЯЖЕСКОГО ЗНАКА РЮРИКОВИЧЕЙ**

Федченко О.Д.

В статье утверждается, что основой двузубца Рюриковичей стала подкова. Данная вещь выступала, как атрибут хозяйственной, юридической и политической идентификации владельца лошади. Сделано предположение, что попасть на Русь двузубец мог с территории, где присутствовали культ коня и дружинная культура. Регионом, отвечающим указанным требованием, могла быть Прибалтика.

Ключевые слова: Русь, Рюрик, двузубец, тамга, Прибалтика, Пруссия.

**HORSESHOE AS THE DISCHARGE
OF THE PRINCIPAL SIGN OF THE RURIK DYNASTY**

Fedchenko O.D.

The article points out that the horseshoe became the basis of the Rurik Dynasty's Bident. This thing acted as an attribute of economic, legal and political identification of the owner of a horse. A suggestion was made that a Bident could come to Russia from a territory where a horse cult and a friendly culture were present. The region that meets this requirement could be the Baltic.

Keywords: Rus, Rurik, Bident, tamga, the Baltic, Prussia.

Много копий исследователи ломают при изучении знаков Рюриковичей. Можно встретить широкий спектр толкований: воинская эмблема (якорь, шлем, секиру или топор с двумя лезвиями, лук со стрелой); геральдико-нумизматические изображения (светильник, хоругви, птицу); государственную эмблему (трезубец, часть византийского или скифского скипетра); монограмма (руническую или византийскую), геометрический орнамент (византийский, скандинавский, восточный, славянский). Соответственно, выдвигаются и гипотезы о происхождении династии (скандинавская, славянская) [11, с. 199].

Однако проблематика подобных исследований в том, что не предлагается первооснова появления знака. Что могло стать толчком для создания начертаний изучаемой символики, остается за рамками версий и гипотез. В такой ситуации предлагаемые гипотезы и версии оказываются в подвешенном состоянии, не имея базиса, фундамента.

В начале нашего поиска обратим внимание на принципиальные выводы историков и археологов. Как указывает известный специалист С.В. Белецкий, «в основе системы древнерусских княжеских знаков лежит двузубец» [1, с. 288]. При этом, «древнерусские княжеские знаки наследовались по определенным правилам. Родовой знак в форме простого двузубца использовался представителями династии Рюриковичей со времен правления, по крайней мере, сына Рюрика, Игоря, а возможно, употреблялся уже самим Рюриком» [1, с. 290].

С.М. Михеев, в свою очередь, отмечает, «наблюдения над типологией знаков позволяют утверждать, что их начертание со временем видоизменялось: вместо древнейших двурогих тамг князьями стали использоваться сходные с ними колоколовидные, Ц-образные, Ш-образные знаки» [10, с. 45].

Здесь сталкиваемся с понятием «тамга» – клеймо, печать [14, с. 924]. Хотя, опять-таки, С.В. Белецкий подчеркивает, что у исследователей нет единого мнения по данному вопросу: одни считают знаки Рюриковичей – знаками собственности, хозяйственными знаками (типа тавра для клеймения скота), другие – склоняются к гербам, символом социального отличия и политической власти [2, с. 203].

Однако, в нашем случае, первый вариант мог быть ступенькой для появления второго – изобразительного символа.

Теперь обратим взор на рис. 1 и 2 и сравним, как графическое представление подков совпадает с изображением самых первых древнерусских двузубцев. При этом графическим отражением «ножки» двузубца могли быть либо шип, либо отворот подковы.

Рисунок 1.

а) Ледоходные конские подковы
б) Подковы. Основные формы [6, с. 170, 174]

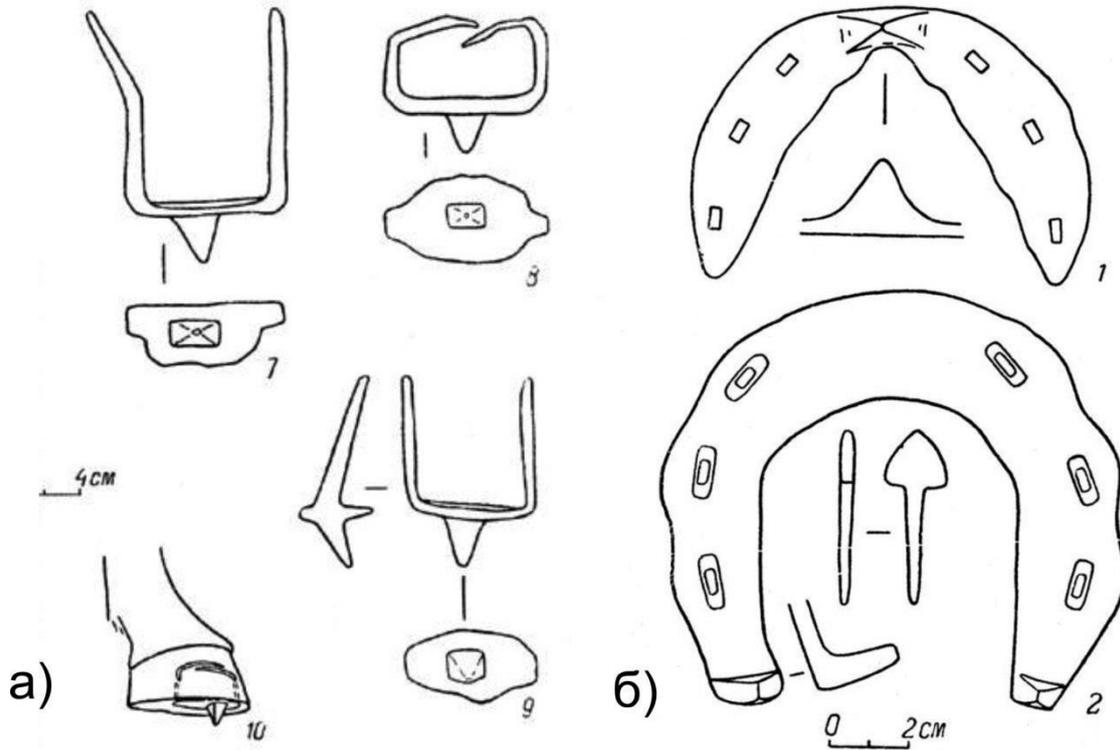
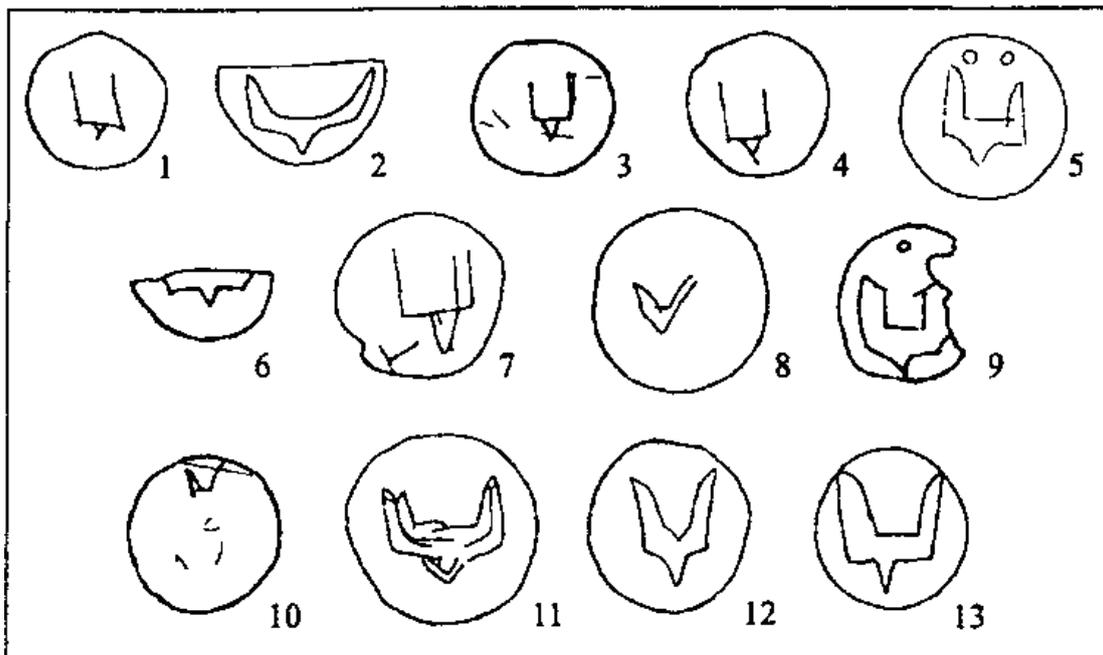

Рисунок 2.

Арабские дихремы с граффити-двузубцами
времен Святослава Игоревича [15, с. 219]

Именно подкова в средние века могла стать характерной отличительной особенностью для объекта. Прежде всего, наличие лошади уже выделяло

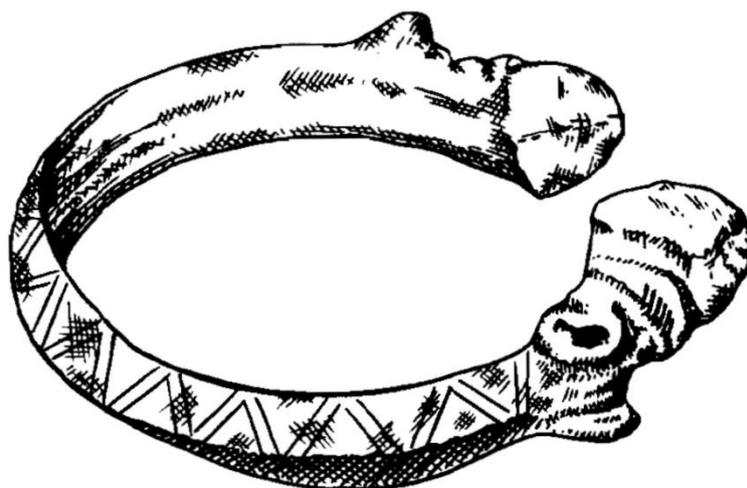
человека в социальной иерархии, подкова же служила своего рода клеймом, отметиной и в плане собственности, и в качестве знатности хозяина, ибо не каждый всадник мог позволить себе подобный элемент в снаряжении коня. Вот какие наблюдения излагает А.Н. Кирпичников: «действительно, киевские дружинники, а также смерды своих коней, кажется, не ковали... Показательно, что ни в одном из до сих пор раскопанных воинских погребений или сельских поселений подков вообще не найдено». В то же время автор отмечает, что «по сообщению Ф. Эмина, пользовавшегося какими-то не дошедшими до нас источниками, князь Ростислав Всеволодович, спасаясь в 1093 г. от половцев, пытался переправиться через Стугну и «попал под свою лошадь, которая бьучись в воде погрузила его вниз. Его позже вытащили из-под лошади, но уже не живого, голова подковою у него была пробита». Подкованным изображен и легендарный конь князя Олега на миниатюре Радзивиловской летописи» [6, с. 175].

Как видим, подкова – это атрибут исключительно княжеский. При этом данный предмет конского снаряжения был достаточно редким, и, надо полагать, оригинальным, эксклюзивным. Как подчеркивает А. Н. Кирпичников, «их <подков> сколько-нибудь уловимое распространение падает на VIII-IX вв., но лишь двумя-тремя столетиями позже этот предмет стал использоваться регулярно» [6, с. 175].

В рамках нашего исследования интересным представляется княжеский знак, изображенный на перстне-печати, найденной в с. Крылосе Станиславской области (на территории которого был открыт археологами город Галич – столица Галицкого княжества XI-XII вв.). Схема выгравированного знака — двузубец в форме подковы, описывает находку З.А. Володченко и датирует перстень-печать серединой XII в. – 40-50-ми годами [4, с. 63, 67].

Можно отметить и бронзовый браслет с копытообразными концами X-XI в. в погребении на территории Каунаса (рис. 3):

Бронзовый браслет с копытообразными концами X-XI в. [3, с. 203]

В такой ситуации источником для знака-двузубца (тамги, пятна) могла послужить среда, где был развит культ коня, и имела дружинная культура. Можно предположить, что искомой территорией является Прибалтика.

«Только в Литве XII-XIII веков находят специальные кладбища для погребения лошадей. Обычно там хоронили только верховых лошадей воинов. Лошадь считали преданным другом воина, поэтому в полной упряжи ее хоронили вместе с хозяином», – писала в своем труде «Балты. Люди янтарного моря» Мария Гимбутас [5, с. 171].

Интересным в таком контексте выглядит недавняя находка у стен Рюрикова городища: «всего на склоне рва было найдено 22 черепа. Таким образом, установлено, что краниумы лошадей располагались по всей длине внутреннего склона рва с юго-запада на северо-восток на протяжении более 20 м... Скопления конских черепов могут располагаться по всей длине рва... Большинство черепов попали в ров в начале – первой четверти X в. ... Три черепа могли попасть в ров в середине – второй половине IX в. Не вызывает сомнений связь жителей городища с воинской и политической элитой Древней Руси» [13, с. 53-55].

Массовые захоронения коней на специально отведенных территориях, отмечает и Л. Вайткунскене [3, с. 202]. В своей работе «К вопросу о роли коня...» исследователь описывает идеологические, религиозные, политические,

культурные аспекты культа коня, распространенного в Литве V-XIII веках. Автор высказывает мнение, что «почитание коня переплеталось с культом вождя-героя, с культом предков-покровителей...» [3, с. 205].

«С конца эпохи Великого переселения народов присутствие коней – характерный признак мужских погребений вплоть до завоевания Пруссии Немецким Орденом», отмечает археолог К.Н. Скворцов [12, с. 36].

«Конское захоронение имело в прусском погребальном обряде важную роль. Согласно их представлениям, путь в заоблачные дали покойный осуществлял верхом», делает вывод доктор исторических наук В.И. Кулаков. [7, с. 31]. Тот же специалист считает, что с VII века на прусских землях начала формироваться дружинная культура [8, с. 206]. Ученый выдвигает и предположение, «скорее всего, располагавшая многочисленной дружиной, Самбия дала в начале второй половины IX в. вооруженный контингент для стабилизации общественного положения и, соответственно, торговых путей на прилегающих к восточной оконечности Балтики землях» [9, с. 191]. В то же время, как считает А. Н. Кирпичников, «они <подковы> характерны для стран, имеющих торговые города и твердо накатанные дороги, пригодные для тяжелогруженных купеческих караванов» [6, с. 175]. Тогда как общеизвестен древний Янтарный путь из Прибалтики в Европу и на Средиземноморье.

Таким образом, можно сделать вывод, что прообразом двузубца могла стать подкова, которая вместе со своим функциональным значением одновременно служила клеймом, тавром – знаком, определяющим хозяйственную, юридическую и политическую атрибуцию руководителя, главы дружины. «Родиной», откуда «пятно» Рюриковичей попало на Русь, можно назвать территорию современной Калининградской области. На данное местоположение летописной Руси указывают и балтская языковая среда («росские» названия днепровских порогов, антропонимы призванных варягов), и религиозные обычаи (культ Перуна, упомянутый в договорах с Византией, и пантеон языческих богов князя Владимира), и военно-политическая обстановка (как было выше отмечено, дружина Самбии могла участвовать в обеспечении

безопасности Восточного пути), и историко-географические свидетельства («Баварский географ», «Бертинские анналы»).

Сама по себе подкова часто встречается в геральдике – в гербах городов и гербах древних дворянских родов, особенно, польской и великолитовской шляхты.

Список литературы:

1. Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей на пломбах из Дрогичина // *Stratum plus: Время денег*. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 6. С. 288-330.

2. Белецкий С.В. «Пятно» русских князей: «тамга» или «герб»? // *Записки Института истории материальной культуры*. 2008. № 3. С. 203-209.

3. Вайткунскене Л. К вопросу о роли коня в древнелитовском погребальном обряде (V-XIII вв.) // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*. М., 1990. С. 201-206

4. Володченко З.А. Перстень-печать XII в. // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры*. М.; Л., 1951. [Вып.] XXXVI. С. 62-68.

5. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004. 224 с.

6. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // *Археология СССР. Свод археологических источников*. Выпуск Е1-36 - М.-Л.: Наука, 1960. 213 с.

7. Кулаков В.И. Древности пруссов VI-XIII вв. // *Археология СССР. Свод археологических источников*. Выпуск Г1-9. М.: 1990. 168 с.

8. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 года = *Geschichte Preußens bis zum 1283*. М.: Индрик, 2003. 364 с. (*Prussia Antiqua* / Рос. акад. наук. Ин-т археологии; Т. 1).

9. Кулаков В.И. Погребальный обряд пруссов в эпоху раннего средневековья // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*. М., 1990. С. 182-196.

10. Михеев С.М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 4 (58). 2014. С. 45-63.
11. Паранина Г.Н. Отражение пространства и времени в древних символах (на примере знака Рюрика) // Общество. Среда. Развитие. 2010.С. 199-207.
12. Скворцов К.Н. Погребения с конями I тыс. н.э. на Самбийском полуострове (могильник Аллейка 3) // Российская археология. 2012. № 3. С. 36-49.
13. Спасская Н.Н., Саблин М.В., Михайлов К.А. Раннесредневековые лошади второй половины IX – начала X в. на Рюриковом городище // Российская археология. 2011. № 4. С. 52-63.
14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3. М.: Знак, 2003. 1000 с.
15. Фетисов А.А. «Знак Рюриковичей» из пещерного комплекса в Басараби на Нижнем Дунае // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в средние века: к 70-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2008. (Славяне и их соседи. Вып. 12.). С. 210-227.

Сведения об авторе:

Федченко Олег Дмитриевич – независимый исследователь (Брянск, Россия).

Data about the author:

Fedchenko Oleg Dmitrievich – Independent Researcher (Bryansk, Russia).

E-mail: vukby@yandex.ru.